

СТЕПЕНИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛЕЙ КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

Н.А. Белоус

Статья представляет собой отражение одного из аспектов исследования, посвященного выявлению структурно-семантических характеристик конфликтного дискурса, которое подразумевает экспликацию когнитивной базы его реципиентов. Анализ когнитивных структурных элементов конфликтного дискурса показывает, что конфликтная интеракция возникает в том случае, когда происходит столкновение базовых концептов коммуникантов, и когнитивный диссонанс, обладающий универсальным характером в различных возрастных группах коммуникантов, возникает в результате нарушения когнитивных ограничений на организацию информации в дискурсе и прагматических принципов построения дискурса. Возможность преодоления когнитивного диссонанса эксплицируется в обоюдном многогранном сотрудничестве коммуникантов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: структурно-семантические характеристики конфликтного дискурса, когнитивный диссонанс, когнитивная база коммуникантов

БЕЛОУС Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода (И-12) Московского авиационного института. bn66@mail.ru

Цитирование: Белоус Н.А. Степени когнитивного диссонанса при реализации моделей конфликтного дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 1. С. 51–79. Режим доступа: www.tverlingua.ru

DEGREES OF COGNITIVE DISSONANCE IN A CONFLICT DISCOURSE

Natalia A. Belous

We deal with the structure and semantic characteristics of a conflict

discourse that is why suggest to have a look at different aspects of it which are to elicit a cognitive base of. Our analyses show that conflict interaction can appear when the collision of speakers' basic concepts takes place and the cognitive dissonance, which has got universal character in any age groups of speakers, can appear as a result of destruction of both cognitive limits for organizing the discourse information and its pragmatic principles. The possibility of the cognitive dissonance overcoming can be found if both speakers are ready to sort out the conflict communicative situation.

KEY WORDS: structural and semantic characteristics of conflict discourse, cognitive dissonance, cognitive base of speakers

BELOUS Natalia A. – PhD in Philology, docent, associate professor, department of linguistics and translation (E-12) of Moscow aviation institute. bn66@ mail.ru

Citation: Belous N.A. Degrees of cognitive dissonance in a conflict discourse // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2018. № 1. P. 51–79. Access mode: www.tverlingua.ru

Человек говорящий, находясь в непосредственном контакте и взаимодействии с собеседником, воспринимает различную информацию, которая может быть получена в несколько стадий. На начальной стадии получение информации происходит через органы чувств (зрение, обоняние, осязание, слух и вкус). И затем случается перекодирование с помощью мыслительных процессов полученных сведений из одного вида восприятия в другой. По мнению психолингвистики, данным стадиям восприятия характерна произвольная активизация у индивида именно той модальности ментального опыта, которая лежит в основе индивидуального стиля кодирования.

Когнитивный диссонанс определяет значительное количество суждений и решений. Большинство ситуаций, где он возникает, может быть отнесено к

примерам предваряющего — до решения — или последующего — после решения — диссонанса. Языковая действительность позволяет существовать такому сочетанию, как «добиваться коммуникативного успеха» (т.е. явление положительное и желаемое может сопровождаться разрушительными агрессивными действиями), мы предлагаем, следуя имплицитной семантической логике этого высказывания, отталкиваться от противного. В настоящее время преобладающие в лингвистике коммуникативная и когнитивная мегапарадигмы стремятся раскрыть базовые отношения между языком и человеком как мыслящим социальным объектом и позволяют включать конфликтное речевое (дискурсивное) поведение в интерактивную картину языка, мышления и поведения человека. В исследовании речевого поведения участников интеракции вообще большое значение придается выявлению взаимосвязи совершающихся в сознании человека – участника коммуникации мыслительных процессов и языковых явлений, которые неотделимы от мышления. Иными словами, мы имеем дело с когнитивным аспектом в исследовании речевого поведения коммуникантов. При этом единицей процедуры обработки знаний выступает фрейм, или типовая ситуация.

Фрейм «коммуникативный конфликт» представляет особую стереотипную ситуацию и включает в себя обязательные слоты, отражающие компоненты объекта-ситуации: 1) участники конфликтной ситуации, чьи интересы находятся в противоречии; 2) столкновение (целей, взглядов, позиций, точек зрения), выявляющее их противоречие или несоответствие; 3) речевые действия одного из участников конфликтной ситуации, направленные на изменение поведения или состояния собеседника; 4) сопротивление речевым действиям другого участника посредством собственных речевых действий; 5) перлокутивный эффект речевого столкновения.

Человеческая коммуникация происходит согласно правилам различных

сценариев в границах коммуникативно-прагматических типов таких иллокутивных функций, как конститутивная, репрезентативная, когнитивная и интерактивная (Романов, 1988). Но коммуникативный регистр не релевантен конфликтному дискурсу: любой из сценариев диалогов может приобрести конфликтный характер. И если, согласно Бисмарку «война – это продолжение политики другими средствами», то конфликтный дискурс – это продолжение речевого взаимодействия между людьми другими – языковыми, визуально-кинестетическими (взгляд, мимика, жесты), паралингвистическими (диапазон, тон, качество голоса, тембр) и экстралингвистическими (паузы, темп, смех, плач) – средствами.

Мы считаем, что в качестве конфликтного дискурса выступает речевое взаимодействие коммуникантов, в результате которого участники испытывают отрицательные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга, в связи с тем, что иллокутивная доминанта речевого взаимодействия характеризуется наличием столкновения вербально выраженных целей. Однако консеквентом конфликтной интеракции иногда является трансформация когнитивных структур коммуникантов и происходит трансформация конфликтной интеракции в мирную, не/реализация подобного условия зависит от разновидности конфликтного дискурса. С точки зрения семиотики конфликтный дискурс – это комплексный знак, инвариантный элемент структурированной языковой картины мира реципиента-инициатора. Под языковой картиной мира в работе понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность образов, понятий, стереотипов и символов, представляющих собой знания определенного народа об окружающем мире, которые на уровне сознания хранятся в виде концептов.

Реципиент-инициатор конфликтного дискурса как всякая «языковая личность» (термин Ю. Караулова см. (Караулов, 1998)) презентует себя на трех уровнях: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом.

Вербально-семантический уровень личности реципиента конфликтного дискурса представлен его лексиконом, включающим в себя фонд грамматических значений и владение национальным языком как таковое. Когнитивный уровень определяется спецификой отражения языковой личностью реципиента конфликтного дискурса явлений действительности и представляет собой особенный тезаурус, в котором запечатлена система знаний о мире, где многие элементы имеют агрессивную окраску. Прагматический уровень воспроизводит особенности коммуникативно-деятельностных потребностей личности реципиента конфликтного дискурса, отражает прагматикон, т.е. систему ее целей (ориентированных, прежде всего, на столкновение с собеседником), мотивов, установок и интенциональностей.

К прагматическому уровню характеристик реципиента-инициатора относятся его потребности дивантного самоутверждения: агрессор – ущербная в социально-психологическом отношении личность, и для того, чтобы добиться ощущения социальной полноценности, инициатор речевого конфликта должен обеспечить собеседнику моральный дискомфорт: «сказать гадость» или нечто подобное и таким образом самоутвердиться, поставив собеседника в конкретной ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой статусную позицию; подавить собеседника, завладеть возможностью речевой манипуляции – инициатор речевого конфликта исходит из эгоцентрических мотивов и стремится снизить самооценку собеседника, унижить коммуникативного партнера, навязывая свою точку зрения, либо вообще не способен принять точку зрения другого участника, не способен испытывать к нему уважение. Названные прагматические характеристики присущи практически всем инициаторам конфликтного речевого действия в проанализированном корпусе примеров. Обратимся за доказательством к одному из них.

Пример 1. (Тургенев И. С. «Три портрета») (Условные обозначения,

принятые в статье при анализе этого и последующих примеров: P1 – реципиент 1; P2 – реципиент 2; знаки «>», «<», «=» указывают на прагматическое доминирование реципиентов конфликтного дискурса; ИД – иллокутивная доминанта; арабские цифры в круглых скобках указывают на последовательность репликовых шагов реципиентов, буквы при цифре указывают на закрытие репликового шага; жирным шрифтом выделены конфликтные маркеры). Пресуппозиционная база: P1: Иван Андреевич, дворянин, около 65; P2: Юдич, деревенский житель, слуга P1; P1 обвиняет P2 в воровстве; равноположенность – P1>P2, день, улица деревни. Коммуникативная заинтересованность – в пользу P1. Параметр «сотрудничество» характеризуется желанием осуществлять реактивную деятельность. Кодекс доверия имеет отрицательный статус. Психоэмоциональный статус личности: у P2 меняется на отрицательный, у P1 остается комфортным. Семантический анализ вербальных маркеров иллокутивной доминанты ИД-1: «вор» – человек, который что-либо украл. P1 несправедливо обвиняет P2 в краже, тем самым нанося ему обиду. Синтаксический анализ вербальных маркеров ИД-1: короткие предложения, повествовательные, вопросительные, отрицательные. Функция ИД-1: эмоциогенная; эмфатическая; индивидуационная (квалифицирующая собеседника); исповедальная (признание говорящего в антипатии). Синтаксический анализ вербальных маркеров ИД-2: короткие предложения, направленные на уточнение информации, полученной от P1. Функции ИД-2: эмфатическая.

P1: *Это что значит?(1) – загремел он. – Ты украл эти деньги?(1')*

P2: *Никак нет-с. (1a)*

P1: *Так кто-нибудь ключ у тебя брал?(2)*

P2: *Я никому не отдавал ключа. (2a)*

P1: *Никому? (3)А когда никому – так **ты вор. Сознавайся!** (3'')(ИД-1)*

P2: *Я не вор, Иван Андреевич. (3a)*

P1: *Откуда ж взялись эти черепки, черт возьми!(4) Так-то ты меня обманываешь?(4')*

В последний раз говорю тебе – сознавайся! (4'')(ИД-1)

Юдич потупил голову и сложил руки за спиной.

P1: *Эй, люди!(5) – закричал Иван Андреевич исступленным голосом. – Палок! (5')*

P2: *Как? меня ... наказывать? – прошептал Юдич. (5a) (ИД-2)*

P1: *Вот тебе на! (6) Да чем ты лучше других?(6') Ты вор!(6'') Ну, Юдич!(6''') Не ожидал я от тебя такого мошенничества! (6'''')(ИД-1)*

P2: *Я поседел на вашей службе, Иван Андреевич, – проговорил с усилием Юдич. (6a) (ИД-2)*

P1: *А мне что за дело до твоих седых во-лос? (7) Черт бы тебя побрал с твоей службой. (7')*

Все усилия инициатора конфликта – вербальные и невербальные, как субъективная ориентация индивида на те или иные способы социального и речевого поведения направлены на деструкцию, на изменение равноположенности в свою пользу. Инициатор демонстрирует по отношению к коммуникативному партнеру агрессию, которая вызвана стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию, т.е. инициатор игнорирует ценности (составляющие языковую картину мира) и коммуникативные цели своего собеседника, что отчасти является проявлением когнитивного диссонанса.

Когнитивный уровень устройства конфликтной языковой личности предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности. На когнитивном уровне, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, систематизированную картину мира, отражающую иерархию ценностей,

инициатор конфликтного дискурса располагает своим *когнитивным стилем*: в беседе он представляет и структурирует информацию специфическим способом отбора когнитивных операций при построении своих собственных репликовых шагов, содержание которых отличает наличие элементов тезауруса конфликтного характера, и интерпретацию репликовых шагов собеседника, которая всегда представляет собой поиск угрозы или опасности.

Пример 2. (Скрипт бытовой беседы). Пресуппозиционная база: реципиенты: P1: жена, 45 лет, P2: муж, 49 лет; P2 принес домой зарплату, отдает P1; вечер, кухня квартиры P1 и P2.

P1: *И это все? Как мы будем жить на эти деньги? Это подачка, а не зарплата!!! (1)*

P2: *Восемь тысяч, это подачка?! (1a)*

P1: *Да! Нам мало этих денег! (2) (ИД1)*

P2: *А я считаю, что на месяц достаточно. Больше я не могу заработать. Найти другую, более оплачиваемую работу я не могу. (2a) (ИД1)*

P1: *Вот уж воистину была права моя мама – не надо связываться с мягкотелыми неудачниками!(3)*

P2: *Что-то я не видел очереди удачливых бизнесменов, когда брал тебя в жены у твоей мамы.(3a) (ИД2)*

P1: *Да как ты смеешь?! Да ты бы от голода загнулся, если бы!...(4) (ИД2)*

Когнитивный тезаурус инициатора и фрейм конфликтного дискурса находятся в отношениях: вариант к инварианту, например – возражения «*И это все?*», «*Вот уж воистину*»; угрозы «*Да как ты смеешь?!*» Мы полагаем, что в концепт «конфликтный дискурс» инициатор вкладывает, прежде всего, идею «Я делаю конфликт». Эта идея в языковом воплощении представляет собой столкновение иллокутивных доминант в результате

поочередного обмена репликовыми шагами говорящего и слушающего. Это столкновение коммуникативных интенций и является центром фрейма конфликтного дискурса. Под «фреймом» мы понимаем когнитивную «структуру данных в феноменологическом поле человека для представления стереотипной ситуации, соответствующей обычно частотным, а иногда и непродуктивным стереотипам» (Кубрякова, 1996: 188). Эта структура основана на вероятностном знании о типических ситуациях (например: представления о среднестатистическом гражданине «*Вот тебе на! Да чем ты лучше других?*»; греха «*All you've done is to be different from other women and you've made a little success at it. As I've told you before, that is the one unforgivable sin in any society. Be different and be damned!*»; или непреемлемой социальной нормы: «*I've minded my own business and haven't done anything wrong and...*» и т.п.) и связанных с этим знанием, ожиданиях по поводу свойств и отношениях реальных и гипотетических объектов, которые становятся референтом отрицательных чувств и эмоций: «*Как? меня ... наказывать?*»; «*They make me so mad.*».

Пример 3. (Mitchel M. «Gone with the wind»). Пресуппозиционная база: реципиент 1 – P1: Скарлет О'Хара; реципиент 2 – P2: Рет Батлер; дома у P1; вечер; P1 < P2.

P1: *Rhett, why do folks in this town treat me so scurvily and talk about me so? It's a toss-up who they talk worst about, me or the Carpetbaggers! I've minded my own business and haven't done anything wrong and... (1) (ИД)*

P2: *If you haven't done anything wrong, it's because you haven't had the opportunity, and perhaps they dimly realize it. (1a)*

P1: *Oh, do be serious! They make me so mad. All I've done is try to make a little money and... (2)*

P2: *All you've done is to be different from other women and you've made a little success at it. As I've told you before, that is the one unforgivable sin in any society. Be different and be damned! (2a)*

Перевод примера 3:

P1: Рет, почему в этом городе люди так подло относятся ко мне и так плохо обо мне говорят? Трудно даже сказать, о ком они говорят хуже – обо мне или о «саквояжниках»! Я никогда ни во что не вмешиваюсь и не делаю ничего плохого и...

P2: Если вы ничего плохого не делаете, то лишь потому, что вам не представилось возможности, и, вероятно, люди смутно это понимают.

P1: Да будьте же, наконец, серьезны! Они меня доводят до иступления. А ведь я всего-навсего хочу немного подзаработать и...

P2: Вы всего-навсего стараетесь быть непохожей на других женщин и весьма преуспели в этом. А я уже говорил вам, что это грех, который не прощает ни одно общество. Посмей быть непохожим на других – и тебя предадут анафеме!

Вокруг центра фрейма формируется поле когнитивных структур «как я делаю конфликт», реализуемое во фреймах и сценариях «оскорбление», «обвинение», «упрек», «угроза» и т.д.

Динамика фрейма конфликтного дискурса проявляется на уровне заполнения слотов речевыми действиями и языковыми значениями, т.е. на вербально-семантическом уровне.

Пример 4 – сценария «обвинение» в рамках декларативно-экспрессивного иллокутивного типа (термин проф. А.А.Романова (см. Романов, 1988: 55)). (Mitchel M. «Gone with the wind»). Пресуппозиционная база: реципиент 1 – P1: Скарлет О'Хара; реципиент 2 – P2: Рет Батлер; дома у P1; вечер; P1>P2.

P1: It was an amusing comedy, this evening, wasn't it? A pleasant comedy with no character missing. The village assembled to stone the erring woman, the wronged husband supporting his wife as a gentleman should, the wronged wife stepping in with Christian spirit and casting the garments of her spotless reputation over it all. And the lover. (1)

P2: Please. (1a) (ИД)

P1: I don't please. Not tonight. It's too amusing. And the lover looking like a damned fool and wishing he were dead. How does it feel, my dear, to have the woman you hate stand by you and cloak your sins for you? (2) (ИД)

P2: I will not listen...If you were not so drunk and insulting, I would explain everything. But now... (2a)

P1: I am not interested in your explanations. I know the truth better than you do. By God, if you get up out of that chair just once more... (3)

Перевод примера 4:

P1: Забавная была комедия сегодня вечером, верно? Прелестная комедия со всеми необходимыми действующими лицами. Селяне, собравшиеся, чтобы закидать камнями падшую женщину; опозоренный муж, поддерживающий свою жену, как и подобает джентльмену; опозоренная дуэнья, в порыве христианского милосердия широко раскинувшая крылья своей безупречной репутации, чтобы все ими прикрыть. И любовник...

P2: Прошу вас...

P1: Не просите. Во всяком случае, сегодня. Слишком уж все это занимательно. И любовник, выглядящий абсолютным идиотом и мечтающий: уж лучше – умереть. Как вы чувствовали себя, моя дорогая, когда женщина, которую вы ненавидите, стояла рядом с вами и прикрывала ваши грехи? Вы, я полагаю, едва ли больше ее за это полюбили.

P2: Я не желаю больше слушать... Если бы вы не были так пьяны и не вели себя так оскорбительно, я бы все вам объяснила. Но сейчас...

P1: А меня не интересуют ваши объяснения. Я знаю правду лучше, чем вы. Клянусь богом, если вы еще хоть раз встанете с этого стула...

Когнитивная структура рассматриваемой нами разновидности конфликтного дискурса – в частности, беседы супругов – включает в себя все обязательные компоненты: 1) участников конфликтной ситуации – P1, P2; 2)

столкновение позиций участников конфликтной ситуации – ИД; 3) речевые действия одного из участников конфликтной ситуации, направленные на изменение поведения или состояния собеседника – 1а, 2а; 4) сопротивление речевым действиям другого участника посредством собственных речевых действий – 3. Анализ корпуса примеров показал, что компоненты (3) и (4) носят вариативный характер в зависимости от разновидности конфликтного дискурса.

Архив конфликтных дискурсивных практик содержит в себе набор когнитивных структур, более или менее постоянных или подобных характерных для данного типа человеческой интеракции.

Под когнитивными структурами конфликтной языковой личности понимаются структуры данных для представления определенной ситуации столкновения в сознании индивида, т.е. отвечающие за прием, сбор и преобразование информации в соответствии с требованием воспроизведения устойчивых, нормальных, типичных характеристик происходящего конфликта. Каждый из видов когнитивных структур лежит в основе какого-либо определенного уровня познавательного отражения, каждая структура обеспечивает ту или иную активную форму упорядочивания вновь поступающей информации.

Как известно, когнитивные структуры различных уровней для восприятия, хранения и воспроизведения информации – это концепт (оперативная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания) (Кубрякова, 1996: 90), фрейм (структура данных для представления стереотипной ситуации) (Минский, 1979: 48), сценарий (описание процесса, действия с его важнейшими этапами), схема (описание предмета через его внешнюю форму, очертания) (Ожегов, 1993: 16). Указанные когнитивные структуры, будучи фиксированными формами прошлого опыта у любого человека, отвечают за воспроизведение в сознании реципиента конфликтного дискурса нормальных для него событий, знакомых предметов, многократно повторяющихся ситуаций, освоенных правил

действий, их привычной последовательности. Но существуют: во-первых, конфликтные языковые личности, которым присущи определенные особенности, сами по себе провоцирующие запуск механизма конфликтной интеракции; во-вторых, определенные условия, трансформирующие мирную беседу в конфликтную. Одно из таких условий – когнитивный диссонанс, который возникает в результате нарушения когнитивных принципов, а именно, когнитивных ограничений на организацию информации в дискурсе и прагматических принципов построения дискурса.

Анализ когнитивных структурных элементов конфликтного дискурса показывает, что конфликтная интеракция возникает в том случае, когда происходит столкновение базовых концептов коммуникантов, среди них наиболее типичными будут такие, как (в качестве иллюстрации указываем только содержание некоторых иллокутивных доминант, выделенных из конфликтных дискурсов; наличие примеров на английском языке подчеркивает универсальность столкновения базовых концептов для разных культур, которые, несомненно, имеют различия при сравнении (но не являются объектом исследования в рамках представленной статьи)):

1) «долг»: P1: *Why didn't you tell father where we were going.* P2: *I couldn't. It was not my secret* (Asimov I. «Nemesis»);

2) «обязанность»: P1: *А в котором часу вам приходит написано, милостивый государь? Вам пишут в девять, а теперь уже двенадцатый час!* P2: *Мне принесли всего четверть часа назад, и того довольно, что я больной в лихорадке пришел* (Достоевский Ф.М. «Преступление и наказание»);

3) а также такие оппозиции, как «вина / невиновность»: P1: *What did your father see in the window, the crime of rape or the best defense to it? Why don't you tell the truth, child, didn't Bob Ewell beat you up?* P2: *That nigger yonder took advantage of me an' if you fine fancy gentleman don't wanta do nothin' about it then you're all yellow stickin' cowards, stickin' cowards, the lot of you* (Ли Х. «Убить пересмешника»);

4) «дозволенное / недозволенное»: P1: ... *but now he's turned out a nigger-lover we'll never be able to walk the streets of Maycomb again.* P2: *I don't know what you're talking about, but you better cut it out this red hot minute!* (Ли Х. «Убить пересмешника»);

5) «свое / чужое»: P1: *You can't take that!* P2: *I can't, hey? Well, I can!* (Mitchel M. «Gone with the wind»);

6) «Иисус»: P1: *Имейте в виду, что Иисус существовал.* P2: *Видите ли, профессор, мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения* (Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита»);

7) «бог»: P1: *Ну, хотя бы жизнью твоею, ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!* P2: *И в этом ты ошибаешься, согласишься, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?* (Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита»).

Если в конфликтной интеракции взаимодействуют более крупные структуры-фреймы и сценарии:

1 «любовь»: P1: *I want love. I thought I got married the handsomest man in England and I've married a tailor's dummy.* P2: *Don't be silly. I'm just the ordinary normal Englishman. I'm not an Italian organ-grinder* (Maugham W.S. «Theatre»);

2 «геройство»: P1: *Jonathan Livingstone Seagull, stand to Center for Shame in the sight of your fellow gulls! For his reckless irresponsibility is violating the dignity and tradition of the Gull family...* P2: *Who is more responsible than a gull who finds and follows a meaning, a higher purpose for life? For a thousand years we have scabbled after fish heads, but not to discover to be free! Give me one chance, let me show you what I've found...* (Бах Р. «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»);

3 «измена»: P1: *Долли, что я могу сказать?.. Одно: – прости, прости... Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить минуты,*

минуты... Минуты... минуты увлечения... P2: Уйдите, уйдите отсюда! И не говорите мне про ваши увлечения, про ваши мерзости (Толстой Л.Н. «Анна Каренина»);

4 «социальный обряд»: P1: *Да хоть бы он принц крови был, моя дочь ни в ком не нуждается!* P2: *Знаю я, что если тебя слушать, то мы никогда не отдадим дочь замуж!* (Толстой Л.Н. «Анна Каренина»);

5 «супружество»: P1: *Нет, это ужасно. Быть рабом каким-то!* P2: *Так зачем ты женился? Был бы свободен. Зачем, если ты раскаиваешься?* (Толстой Л.Н. «Анна Каренина»).

Причиной недовольства является различное восприятие названных понятий и следование различным, вернее, различающимся сценариям поведения, которые для каждого из коммуникантов кажутся единственно верными. На базе когнитивного разлада и возникает конфликтная речевая ситуация и, как следствие, – конфликтный дискурс. В результате конфликтной интеракции адресант оказывает влияние на интенции адресата, и когнитивная структура оспариваемых концептов изменяется, что возможно проследить почти во всех примерах анализируемого корпуса.

Пример 5. (Бичер-Стоу Г. «Хижина дяди Тома»). Пресуппозиционная база: P1: Мистер Вилсон, P2: Джордж, сбежавший раб; ситуация: Мистер Вилсон, человек добрый, но до чрезвычайности осторожный и беспокойный, шагал взад и вперед по комнате, раздираемый желанием помочь Джорджу и боязнью преступить закон. Он рассуждал вслух. P1>P2.

P1:(1) *Итак, Джордж, ты совершил ПОБЕГ, ушел от своего законного хозяина. Ничего удивительного в этом нет. И в то же время, Джордж, меня огорчает твой поступок... да, весьма огорчает. Я считаю своим долгом сказать тебе это.*

P2:(1a) *Что же тут огорчительного, сэр?* – спокойно спросил Джордж.

P1:(2) *Да ведь ты идешь против законов своей родины!(ИД)*

P2:(2a) *Моей родины!* – с горечью воскликнул молодой человек. – Я

обрету родину только в могиле... и поскорее бы мне лечь в нее! (ИД)

P1:(3) Что ты, Джордж, что ты! Грешно так говорить. У тебя жестокий хозяин, слов нет... Да что там толковать – он поступает с тобой возмутительно. Я его не защищаю... и все же ты меня огорчил, Джордж. Ты совершил дурной, очень дурной поступок. Надо принимать все, что посылает нам провидение, Джордж.

(Молодой человек стоял, высоко подняв голову, скрестив руки на широкой груди, и горькая усмешка кривила его губы.)

P2:(3а) Мистер Вилсон, допустим, что индейцы возьмут вас в плен, разлучат с женой и детьми и заставят до конца дней ваших мотыжить для них землю. Вы тоже сочтете своим долгом покориться этой участи? Да вы умчесь от них на первом же попавшемся коне и скажете, что этого коня вам послало само провидение. Разве не так?

(Старичок слушал его, широко открыв глаза. Не обладая умением спорить, он все же на сей раз превзошел мудростью некоторых завзятых спорщиков, которым не мешало бы знать, что если человеку нечего возразить, пусть лучше обойдет трудный вопрос молчанием.)

Изменение когнитивной структуры мы можем проследить, рассмотрев вербальную репрезентацию коммуникантами фрейма «побег», предварительно заметив, что обсуждаются только те семы, различие в содержании которых представляет для участников дискурса значимый интерес. Итак, для обоих реципиентов бесспорно следующее: «побег – несанкционированное бегство из-под содержания в неволе» (Ожегов, 1993: 137), сопряженное с определенными трудностями и чреватое наказанием. Далее, сопоставляя вербальную активизацию фрейма «побег» в репликах коммуникантов, мы можем выделить следующие его конститuentы. Для P1: 1) уход от законного хозяина; 2) действие против Родины; 3) действие против Провидения; 4) «дурной, очень дурной поступок». Для P2: 1) воссоединение с женой и детьми; 2) прекращение труда на рабовладельца; 3) дар Провидения. Этот

конфликт, произошедший из-за когнитивного диссонанса, закончился конструктивно, так как реципиенту Р1 «человеку нечего возразить» и его фрейм «побег» трансформировался.

Однако не каждый раз консеквентом конфликтной интеракции является трансформация когнитивных структур коммуникантов, и в таком случае даже при прекращении дискурса его конфликтный потенциал не исчерпан и «камень преткновения» остается на месте, вызывая повторное разжигание конфликта при очередной встрече коммуникантов и их концептосфер.

Когнитивными агентами в человеческом дискурсе конфликтного характера являются ее реципиенты, интенции которых и формируют когнитивный диссонанс в коммуникативном пространстве конфликтного дискурса. Любой дискурс есть интеракция, или взаимодействие коммуникантов, то есть взаимное влияние на когнитивные структуры реципиентов, или, вернее, попытка оказать это влияние. Мы можем наблюдать изменение отдельных когнитивных структур одного из агентов в результате конструктивного разрешения конфликта, т.е. в результате трансформации когнитивного диссонанса в когнитивный консонанс. Обратимся к *некоторым примерам* изменения когнитивных структур в ходе конфликтной интеракции (в качестве условных сокращений обозначим трансформируемую когнитивную структуру через (ТКТ); компоненты когнитивной структуры в начале интеракции через (К); компоненты когнитивной структуры в конце интеракции через (К')): (ТКТ) – «чужое имущество», (К) = можно забрать как нечто опасное, (К') – необходимо вернуть как принадлежащее владельцу; (ТКТ) – «отцовство»: (К) – один из родителей должен сделать все, чтобы сохранить семью в целом составе, (К') – отсутствие уверенности в том, что насильно удерживаемый в семье родитель нужен; (ТКТ) – «зарплата»: (К) – разброс значений в различной валюте как определяемый «слишком мало», (К') – разброс значений в различной валюте как вполне приемлемый с учетом возможностей и потребностей; (ТКТ) –

«дух»: (К) – порождение воображения, (К') – реальность; (ТКТ) – «виновный»: (К) – обстоятельства имеют определяющую силу, (К') – межличностные отношения имеют определяющую силу; (ТКТ) – «вина»: (К) – нельзя совершать противоправные и аморальные поступки, (К') – возможны отступления от законов и правил во свое спасение; (ТКТ) – «бизнес»: (К) – все средства хороши для достижения цели наживы, (К') – цель оправдывает средства лишь в случаях непричинения зла и насилия; (ТКТ) – «дурной поступок»: (К) – понять и принять любое действие, (К') – последствия действия не должны противоречить (должны быть по возможности адаптированы к религиозным заповедям).

Мы можем предположить, что происходит столкновение «нормальной» и «девиантной» когнитивных структур. При этом девиантной мы будем считать ту когнитивную структуру одного из когнитивных агентов, которая в результате когнитивного диссонанса со структурами другого агента становится причиной конфликта, но потом трансформируется в ходе конфликтной интеракции и становится «нормальной», т.е. принимаемой обоими агентами. «Девиантные» и «нормальные» когнитивные структуры могут быть относительно похожи и порождаются соответственно социальными нормами и требованиями к их исполнению.

Среди участников конфликтного дискурса (когнитивных агентов) мы выделяем инициатора (конфликтную личность) и вовлеченного, т.е., имеем бинарную оппозицию по признаку «нападающий – защищающийся». Следует отметить, что обычно в процессе человеческой коммуникации оппозиционные пары типа «инициатор – адресат», «ведущий – ведомый» и статусные позиции не меняются в типовой схеме риторического воздействия, а в конфликтном дискурсе мы можем наблюдать смену ролей и захват лидерства «ведомым», благодаря особенным характеристикам иллокутивной доминанты, которая является элементом пускового конфликтного механизма. То есть в роли агента, когнитивные структуры в сознании которого переживают

трансформации, может выступать как инициатор конфликта – «инициатор», так и вовлеченный в конфликтную интеракцию персонаж – «адресат». Тем не менее, при рассмотрении корпуса конфликтных диалогов мы обнаружили, что инициатор конфликта может быть без труда выделен ввиду специфики его речевого поведения. Эта специфика соответствует языковому портрету агрессивной конфликтной личности.

Принимая во внимание тот факт, что структура языковой личности имеет 3 уровня (Караулов, 1998: 37)), мы последовательно выявляли данные компоненты языковой (но агрессивной по своим признакам) личности в корпусе анализируемых примеров. Прагматический уровень представлен целями коммуникантов в рассматриваемой конфликтной дискурсивной практике: изменение поведения реципиента-адресанта, в том числе – предотвращение нежелаемого действия с его стороны или изменение его речевого поведения, достижение собственной выгоды и удовлетворение собственных потребностей, что противоречит намерениям адресанта или, как минимум, с ними не совпадает. Касаясь когнитивного уровня, мы выделили арсенал слов-маркеров (конфликтогенов), которые вызывают негативную интерпретацию, воспринимаются агрессивной конфликтной личностью «в штыки» и влекут за собой бурную реакцию. В качестве примеров приведем некоторые из речевых реакций агрессивной конфликтной личности на слова-конфликтогены внутри фраз, составляющих репликовые шаги (условно обозначим слово-конфликтоген как СК (во фразе выделено жирным шрифтом), фразу-конфликтоген как ФК и реакцию агрессивной конфликтной личности как Р/АКЛ): СК – химик, ФК – *«Но и немецкие немцы мне не по нутру. Еще прежние туда-сюда; тогда у них были – ну, там Шиллер, что ли. Гетте... Брат вот им особенно благоприятствует... А теперь пошли все какие-то **химики** да материалисты...»* и Р/АКЛ – *«Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта!»*; СК – мать, ФК – *«Подозреваю, кто... одним словом... эта стрела... одним словом, ваша **мамаши**... Она и без того*

показалась мне, при всех, впрочем, своих превосходных качествах, несколько восторженного и романтического оттенка в мыслях...» и Р/АКЛ – «...если вы еще раз... осмелитесь упомянуть хоть одно слово... о моей **матери**... то я вас с лестницы кувырком спущу!»; СК – Confederacy, ФК – «*They know the Confederacy will be licked eventually...*» и Р/АКЛ – «*Licked- us (=Confederacy)? Will you please leave me...*»; СК – nigger-lover, ФК – «*Uncle Atticus is a **nigger-lover** besides, but I'm here to tell you it certainly does mortify the rest of the family*» и Р/АКЛ – «*He is not! I don't know what you're talking about, but you better cut it out this red hot minute!*» и подобные примеры.

На основе корпуса диалогов конфликтного характера составлен словарь (с внутренней градацией на разделы) тезауруса агрессивной конфликтной личности. Приведенные ниже примеры в качестве иллюстрации словаря одновременно являются и маркерами конфликтного характера дискурса в целом: обценная лексика – Допился, *сукин сын!* You *damned* near throttled me! Why *the hell* don't you get a charwoman; брань – You *devil, you swine, you filthy low-down cad*, Мне уже *осточертело* про это слушать, могу, *черт бы тебя взял*; лексика оскорбительной коннотации – «You *rotten hound*», «Christ, the place is like a *pig-stay*», «You *coward, you cad*», «Да у тебя *белая горячка!*», «Вы *срамите, губите* дочь этим сватовством, *подлым, дурацким!*», «Они все на одну статью, и все *дрянь!*», «Это хуже жестокости, это *подлость!*», «Я тебя самого *посажу, ворюга!*», «Кто тебе поверит, *лишеницу?*», «Ведь я и есть твой тесть, *дьявол ты! Ворюга. Разуй глаза-то!*», «You are just a *nasty ill-bred creature!*» и проч. Итак, характеристики АКЛ на прагматическом уровне проявляются в том, что коммуникативные намерения АКЛ непременно противоречат намерениям собеседника; на когнитивном уровне характеристики АКЛ связаны с особенностями языковой картины мира АКЛ, которая характеризуется тем, что для АКЛ существуют специальные слова-маркеры, вызывающие непременно их негативную интерпретацию, оценку и негативное отношение к собеседнику; вербально-семантический уровень

представляет собой особый тезаурус АКЛ.

В когнитивной лингвистике личность говорящего человека трактуется как относительно стабильная организация мотивационных предрасположений, возникающих в процессе деятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями и социальным и физическим окружением. В повседневной жизни мы понимаем это как стиль жизни неагрессивного человека или характерный способ реагировать на жизненные проблемы, в том числе и коммуникативные способы.

Процесс когнитивного развития так или иначе связан с освоением языка и адаптацией освоенного материала на протяжении различных периодов жизни человека. В связи с популярностью антропоцентрического подхода в лингвистике и информационно-поискового подхода в когнитивной науке, возрастает интерес к языковой личности в целом и к конфликтной языковой личности в частности как к динамическому, развивающемуся феномену. Рассматривая различные особенности проявления когнитивного диссонанса в коммуникативном пространстве, отметим тот факт, что многочисленные примеры доказывают его универсальный характер в различных возрастных группах коммуникантов. Обратившись к речевым проявлениям коммуникативного разлада и вербальной агрессии подросткового возраста (13-16 лет), мы обнаружили у реципиентов диалогов проявление элементов модели когнитивной системы конфликтной языковой личности уже в период становления стиля и тезауруса личности как таковой. В речи подростков на формирование вербально-семантического уровня влияет, прежде всего, среда общения индивидуума. При всей своей индивидуальности и желании утвердить себя, подростки нуждаются в ежедневной поддержке и создают свои компании. Эти группы имеют определенные семиотические характеристики: чтобы подчеркнуть свою принадлежность, причастность к определенной компании, ее члены начинают носить одежду одного вида (стиля), вырабатывают свою систему тайных знаков, включают в свою речь

определенные сленговые слова, подчеркивающие малую дистанцию между членами группы, их близкие отношения. Именно этот особый язык и формирует обиходные фразы индивидуума, влияя на конфигурацию компонентов его языковой картины мира. Отстраненность от социума, в том числе и в речевом поведении, приводит к необходимости защиты рубежей «территории своей группы», что влечет необходимость проявления агрессивности. Употребляя лексику своей компании, подросток, с одной стороны, обозначает свою к ней принадлежность, с другой стороны, снимает с себя статус «белой вороны» («маминького сынка»), с третьей – это способ подчеркнуть, что он больше не ребенок.

Молодежная речь отражает современное неустойчивое культурно-языковое состояние общества, балансирующее на грани литературного языка и жаргона. Общий жаргон – заниженный стиль речи, размывает нормы речевого этикета и обуславливает появление когнитивного диссонанса в общении молодого человека с коммуникантами своего возраста или в общении «отцов и детей».

Современные технологии расширяют рамки общения, что и обусловило появление еще одной особенности вербальной сети подростка. Например, появление Интернета позволило современной молодежи обогатить свою отстраненность своеобразной лексикой в результате «зависания» в чатах (от английского слова chat – болтовня), где формируется особая форма языка – веблища.

Интернет уравнивает статусные роли коммуникантов. Этикетные формы общения в веблище не только не приветствуются, но и воспринимаются враждебно. Жаргонизирующий тип общения уравнивает всех в правах, нарушение принятых в обществе норм общения не воспринимается как проявление враждебности или фамильярности, а становится нормой в рамках чатов. Но когда подростки сталкиваются с необходимостью общения «в миру», веблищ формирует когнитивный диссонанс.

Развитие средств мобильной коммуникации также внесло изменения в вербально-семанти-ческий уровень языковой личности подростка, где стандартными стали такие выражения и слова, как «смс», «эсэмэситься», «сотик», «скинуть на сотовый», «прошить мобилу» и т.д. Сегодня эти словосочетания понятны носителям подростковой культуры, но зачастую эти неологизмы обладают агрессивным фоносемантическим рисунком и оказывают негативное воздействие на восприятие репликовых шагов коммуникантами другого возраста. Когнитивный диссонанс возникает благодаря тому, что статусные роли и рамки коммуникативно-прагматических типов иллокутивной функции коммуниканты-подростки предпочитают игнорировать. Например, подросток начинает коммуникацию как инвитив (=приглашение), но преобладание социальных амбиций провоцирует нарушение рамок и употребление маркеров директивов (=приказаний), что сначала приводит собеседника в недоумение, а затем обуславливает возникновение столкновения, в результате которого оба попадают во фрейм конфликтного дискурса.

Использование жаргонных слов, бранных оборотов речи как своего рода междометий или просто способов связи предложений, не репрезентирующих отрицательных эмоций, имеет тенденцию превращения в стандартную норму в молодежном языке. Подростки, таким образом, показывают свою принадлежность к одной группе и отторжение общепринятых норм общения. Например, в рамках реквестива (=просьба, мольба), где статус одного из коммуникантов ниже, чем у другого, использование обценной лексики при общении уравнивает обоих в правах, не давая просящему «потерять свое лицо». Агрессивность подобной формы речи, даже лишенная оскорбительной направленности для адресанта, малопривлекательна, не может служить свидетельством его вкуса и красноречия для адресата.

На тезаурусном уровне в качестве единиц выступают крупные

концепты, обобщенные идеи, которые выражаются с помощью слов – единиц низшего уровня. Отношения между этими единицами выстраиваются в упорядоченную иерархическую структуру, которая формирует языковую картину мира индивидуума. В качестве стереотипных образований здесь выступают генерализованные высказывания, крылатые выражения, афоризмы, пословицы и поговорки. Каждая языковая личность в подростковом возрасте выбирает именно то, что соответствует жизненным установкам и целям группы, членом которой он стремится быть. Тезаурус социальной группы определяется господствующей там идеологией.

Одной из главных целей в подростковом общении является потребность молодых людей в самовыражении и встречном понимании. Неформальное общение подчинено таким мотивам, как поиск наиболее благоприятных психологических условий для общения, ожидание сочувствия и сопереживания, жажда искренности и единство во взглядах, потребность самоутвердиться. В свете этого общение с товарищами становится большой ценностью для подростка. Возможность общения с отцом и матерью выглядит уже не такой привлекательной. Полноценное общение без когнитивного диссонанса в молодежной среде невозможно без владения ее языком.

У подростков отличная от других возрастных групп идеология, другая система ценностей, другая норма – антинорма. И в этой антинорме главный принцип – элемент шока, встряски и элемент насмешки. Обобщенными идеями, своеобразной истиной становятся такие утверждения, что, к примеру, «все учителя придурки», «курить – значит быть независимым», «люди старшего поколения ущербны». Цели и жизненные установки подростков можно проследить в секторе языковой картины мира, где приобретенные знания существуют в краткой форме атрактантных поговорок и афоризмов: «Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра», «Лучше пива после работы может быть только пиво вместо работы», «Кто рано встает, тот

всех достает» и т.д.

Высший, мотивационный уровень устройства формирующейся языковой личности наиболее подвержен индивидуализации. Здесь мы говорим о коммуникативно-деятельностных потребностях личности, о прагматической направленности входящих в его состав единиц, которые задают условия сферы общения, особенности коммуникативной ситуации и исполняемых коммуникантами ролей. Эти отношения образуют свою сеть коммуникаций в обществе. Стереотипом мотивационного уровня можно считать определенный символ, образ, знак повторяющегося, стандартного для подростковой культуры – сказки, мифы, легенды, притчи и т.п. Свое языковое выражение стереотипа этого уровня совпадает со способами выражения стереотипов других уровней: цитата, ставшая крылатым выражением («это наша корова и мы ее доим», «быть в шоколаде»), имя собственное, являющееся не только обозначением художественного образа, но и вызывающее ряд определенных ассоциаций («Шумахер»). Полученные ассоциации складываются, прежде всего, под влиянием мнения членов группы, при просмотре художественных фильмов, при восприятии текстов современных песен. Это становится определенным символом, устойчивым типом характера. Имя собственное, которое вызывает какие-либо ассоциации, позволяет точно и емко выразить такие эмоциональные состояния, которые потребовали бы описательной характеристики при пользовании литературным языком в процессе интеракции. Это является неотъемлемой частью жаргона, заниженного стиля речи, на котором и говорит современная молодежь. Подобные имена позволяют подростку «кодировать» мысли, т.к. ассоциации, связанные с определенным словом, могут быть как известны всем, так и распространены только в данном сообществе. К примеру, имя друга, постоянно играющего в одну и ту же компьютерную игру, может быть перенесено его друзьями в раздел названий самой игры. Причем взрослому собеседнику в процессе коммуникации возможно избежать когнитивного диссонанса, только

основываясь на анализе всего текста и элементов речевой культуры.

Подобные стереотипы приносят немало помех в канал коммуникации. Они не только мешают процессу общения, но и порой делают его невозможным. Здесь мы говорим не только об индивидуализации подростка, но и об индивидуализации молодежи как класса. Например, ассоциативное поле глагола «жечь», «зажигать» в подростковой среде значительно отличается от ассоциаций, связанных с этим глаголом у представителей старшего поколения. Все это приводит к когнитивному диссонансу и вызывает у взрослых ощущение, что они говорят со своим ребенком на разных языках. Но в рамках реквестива, например, подростку для реализации своих интенций необходимо преодолевать явление когнитивного диссонанса и ему необходимо временно забыть именно свой жаргон и перейти на тот тип общения, который будет понятен взрослому.

Речевые акты обусловлены речевой деятельностью человека, его коммуникативным опытом и возникающей на этой основе социальной памятью, поскольку формируется под непосредственным влиянием речевой практики социума. В деятельно-коммуникационных потребностях не/агрессивно-го подростка доминирует, прежде всего, потребность выразиться, стремление воздействовать на коммуниканта, желание получить информацию. Более масштабные потребности диктуются экстралингвистическими причинами. Наиболее важными сферами общения для подростка являются общение со сверстниками, отдых, развлечения, учеба и семья. Появляются элементы взрослости в результате перестройки организма, самосознания, отношений со взрослыми и товарищами, способов социального взаимодействия с ними, интересов, познавательной и учебной деятельности, содержания морально-этических норм, влияющих на речевое поведение, деятельность и отношения.

Одним из важных экстралингвистических факторов, влияющих на формирование языковой личности подростка, является семья. В основной массе современного общества это семья, где телепередача предпочитается

прочтению книг, любое средство массовой информации воспринимается как речевой образец. В наше время средства массовой информации воспитывают фамильярно-разговорный тип речевой культуры.

Итак, заниженность сфер лексики, откуда черпаются ее ресурсы, расплывчатая семантика, стилистически заниженные грамматические средства, просторечная лексика – это осознанный выбор, осуществляемый в речевом поведении подростками.

Говоря о языковой норме в контексте исследования конфликтного дискурса, важно отметить, что это не только кодекс правил, регламентирующих словоупотребление, но и социально одобряемое правило, которое, как правило, отражает закономерности языковой системы и ее эволюции. Норма представляет собой существующие в данное время, в данном языковом коллективе и обязательно для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления. Однако в настоящее время происходит очевидное снижение речевого стандарта, сопровождаемого активным вторжением элементов разговорного языка. Современная молодежь, противопоставляя себя социуму, выбирает антинорму как модель речевого поведения, что обуславливает коммуникативный диссонанс в общении между разными группами и в общении «отцы/дети».

Таким образом, особенностями мотивационного уровня языковой личности подростка является использование определенного «секретного» языка, сленга, который состоит из различных словосочетаний, слов, клише, понятных лишь членам данной группы. Стандартным стало использование бранных слов в качестве междометий. Данный уровень наиболее подвержен влияниям извне. Именно с изменений в мотивационном уровне начинаются изменения и в других слоях.

На вербально-семантическом уровне у подростков появляются элементы как «внешней», так и «внутренней» взрослости. К внешней взрослости мы относим внешность, возможность совершения каких-либо

поступков, к внутренней – самостоятельность и ответственность, осознание границ своей взрослости. На языковом уровне это выражается, прежде всего, в стремлении подростка к уравниванию коммуникативных ролей во время диалога, подросток пытается выйти из положения «подчиняющегося», «просящего». Также изменяются способы социального взаимодействия, подросток желает быть равным взрослым. Идет значительное расширение лексического словаря подростка. Потребность выразиться, быть понятым вынуждает подростка использовать сразу несколько стилей языка, что приводит к их смешению, и в результате когнитивный диссонанс приводит к конфликтам в коммуникативном пространстве. В форме легенд и мифов молодежной культуры выступают тексты песен, художественные фильмы и сериалы, откуда речь подростка постоянно пополняется новыми языковыми единицами.

Приверженность к различным источникам пополнения знаний в значительной мере усложняет общение «отцы/дети» и препятствует достижению успеха коммуникации. Особенности всех уровней языковой личности иного возраста должны учитываться собеседником, если собеседники нацелены на выполнение коммуникативных задач.

Возможность преодоления когнитивного диссонанса эксплицируется в обоюдном сотрудничестве сторон, где каждый коммуникант будет учитывать институциональные положения собеседника и проявлять необходимую степень толерантности. Когнитивный диссонанс не обязательно приводит к конфликтной коммуникации, но конфликтная коммуникация в основном сопровождается когнитивным диссонансом. Степень непонимания обуславливает запуск механизма конфликтного дискурса и влияет на реализацию разновидностей моделей проявления конфликта в коммуникации.

Караулов, 1998 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Знание, 1998.

Кубрякова, 1996: 188 – *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Наука, 1996.

Минский, 1979: 48 – *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Институт языкознания РАН СССР, Калининский СХИ, 1988.

Ожегов, 1993: 16 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993.

References

Karaulov, Ju. (1998) *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost*, M., Znanie (in Russian).

Kubryakova, E. (1996) *Kratkij slovar kognitivnyh terminov*, M., Nauka (in Russian).

Minskij, M. (1979) *Frejmy dlja predstavlenija znaniy*, M., Jenergija (in Russian).

Romanov, A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija*, M., Institut jazykoznanija RAN SSSR, Kalininskij SHI (in Russian).

Ozhegov, S., Shvedova, N. (1993) *Tolkovyj slovar russkogo jazyka*, M., AZ (in Russian).